

Аmineva E. C. Гарди и Фаулз : к проблеме восприятия викторианской традиции писателем XX века / Е. С. Аминева // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 213—224. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-213-224.

Amineva, E. S. (2017). Hardy and Fowles: on Problem of Perception of Victorian Tradition by Writer of 20th Century. *Nauchnyy dialog*, 12: 213-224. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-213-224. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 821.111Fowles.07+821.111Hardy.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-213-224

Гарди и Фаулз: к проблеме восприятия викторианской традиции писателем XX века

© **Аминева Елена Сергеевна (2017)**, orcid.org/0000-0003-0269-968X, кандидат филологических наук, исполняющий обязанности заведующего кафедрой филологии и журналистики, ФГБОУ ВО «Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема» (Биробиджан, Россия), amineva1975@mail.ru.

Статья посвящена проблеме взаимоотношения постмодернизма и классической литературы. Вопрос рассматривается на примере произведений викторианского писателя, предвосхитившего многие тенденции развития английской литературы XX века. Уделяется внимание творчеству Томаса Гарди, который одним из первых в английской литературе XIX века стал рефлексировать по поводу традиции, обратился к природному и бессознательному в человеке. Показано, что викторианский писатель создал галерею героев, личные дилеммы которых имеют вполне экзистенциальный характер. Отмечается, что в английской классической традиции Джона Фаулза особенно привлекают «кризисные» авторы, к числу которых относится Гарди. Уделяется особое внимание влиянию «исторического» Гарди на жизнь и творчество Фаулза. Автор останавливается на основных этапах знакомства Фаулза с жизнью и творчеством викторианского писателя. Поднимается вопрос о присутствии гардиевского интертекста в романе «Дэниел Мартин» на сюжетном, мотивном, образном и пространственно-временном уровнях. Автор отмечает, что интертекстуальный диалог с Гарди в творчестве Фаулза — проявление особой интересу субъективности. Делается вывод о том, что среди всех викторианских писателей Гарди стал для Фаулза «безусловно своим», однако автор XX века не приемлет мрачности и безысходности писателя XIX века.

Ключевые слова: Фаулз; Гарди; викторианская традиция; постмодернизм; интертекстуальный диалог; интересу субъективность.

1. Проблема восприятия викторианской традиции в английском постмодернизме

В современном литературоведении к числу важнейших принадлежит вопрос об отношении литературы постмодернизма к традициям классической литературы XIX века. С одной стороны, представители радикального постмодернизма отрицают любые приоритеты и метанарративы. С другой — именно в эпоху постмодернизма возрождается специфический интерес к традиции как к сфере готовых текстов. Постмодернизм подвергает сомнению эту готовность, иронизирует над ней и деконструирует ее. Нельзя отрицать тот факт, что, экспериментируя с традицией, стирая границы между жанрами, стилями, постмодернисты стремятся открыть новое в старом, тем самым обновляя культурный опыт человечества. Постмодернизм обращается к готовому прошлому, уже состоявшемуся, с целью восполнить принципиальный недостаток собственного содержания. Таким странным образом постмодернизм демонстрирует свою специфическую «традиционность» и противопоставляет себя нетрадиционному искусству авангарда.

Для английского постмодернистского романа особенно актуальной становится проблема отношения к викторианской литературной традиции. Изучением «викторианского вопроса» в английской литературе XX века занимаются такие современные исследователи, как К. Каплан [Kaplan, 2012], Дж. Летиссер [Letissier, 2014], Дж. Гленденинг [Glendening, 2014], А. Хейлманн [Heilmann, 2010] и другие.

Викторианство является одной из доминирующих сквозных тем в метатексте Джона Фаулза. В числе своих любимых викторианских писателей он называет Диккенса, Теккерея, Джеффериса, считает великими романистами XIX века Джордж Элиот, Конрада. Среди вышеперечисленных авторов особое место в творчестве писателя XX века занимает Гарди, интертекстуальные ссылки на биографию и произведения которого присутствуют во многих романах Фаулза (например, в «Волхве», «Женщине французского лейтенанта», «Дэниеле Мартине»).

2. Гарди как предтеча английской литературы XX века

Томаса Гарди называют одним из самых глубоких философов в художественной литературе конца XIX века. Писатель стремится показать обусловленность характеров средой, исследуя нарушение их гармоничного соотношения, показывая личность в чуждом ей окружении. В такой ситуации его герои должны сделать выбор: либо принять этот мир, либо отстаивать свое «я». (В подобной ситуации оказываются и герои Фаулза). Проб-

лема самоопределения героев остро поставлена в произведениях Гарди, судьба его героев, как правило, трагична.

В творчестве Гарди «законченное выражение получила категория трагического, он глубоко и точно схватил драматическую суть процессов распада личности, утраты капиталистическим бытием гуманистического смысла существования» [Фёдоров, 1990, с. 37]. Ощущение острого драматизма в духовном мире человека, его сознании порождено у Гарди пониманием неизбежности конфликта между естественностью человека и механистическим объективным миром. В этом отношении Гарди оказался близок Лоуренсу, который, в свою очередь, оказал влияние на Фаулза.

И Гарди, и следующий за ним Лоуренс, и наследующий им Фаулз — все эти писатели одну из главных своих задач видели в том, чтобы показать раскрытие трагического конфликта, состоящего в вынужденном приспособлении естественных наклонностей человека к обветшалым, докучным шаблонам. Гарди отрицает викторианскую идею прогресса и эволюции. Общественный прогресс он понимает как духовное развитие и совершенствование человека, что вновь сближает его с Лоуренсом и Фаулзом. Гарди обращается к проблеме человеческой активности и нравственной ответственности, что также сближает его с писателями XX века. Кроме этого, романы «позднего» викторианца обладают чертами, которые также заставляют вспомнить о модернистском романе. Речь идет о наличии внутренних монологов героев, самоанализе, взаимопереплетении объективных и субъективных элементов в восприятии человеческих чувств, внимании писателя к материальной, физической природе человека. Гарди показывает развитие, трансформацию человеческих чувств, то есть воссоздает внутренний мир человека в его динамике.

3. Влияние «исторического» Гарди на творчество Фаулза

Творчество Гарди отмечено хронологическим парадоксом: он является романистом XIX века и поэтом XX века. Переход Гарди к поэзии, то есть к новой поэтике, поставил его в двойственное положение по отношению к XX веку. С одной стороны, он стал воплощением хранителя и одновременно завершителя классической традиции, эмоционально был устремлен к прошлому, с другой — он являлся начинателем современной поэзии, осознал и приветствовал новые идеи в науке и философии. Гарди интересен Фаулзу как автор, олицетворяющий противоречивость викторианской эпохи. Парадокс Гарди заключается в том, что, выступая против всякого рода ограничений, которые диктовала человеку викторианская мораль, он в то же время сам являлся её порождением, так как в своей жизни почти неукоснительно следовал условностям и правилам.

Гарди как «кризисный» автор привлек внимание Фаулза в период работы над романом «Женщина французского лейтенанта». В 1966 году Фаулз внимательно одну из самых первых биографий викторианца «Провидение и мистер Гарди» (*Providence and Mr. Hardy*), написанную Л. Диконом и Т. Колиманом, — весьма спорную. С годами этот интерес только возрастал и оформился в авторскую концепцию, согласно которой Фаулз осознал некое внутреннее родство с викторианским автором.

В 1970 году было опубликовано исследование Дж. Х. Миллера «Томас Гарди: Расстояние и желание» (*Thomas Hardy: Distance and Desire*), в котором, с точки зрения Фаулза, автор мало внимания уделил взаимосвязи творчества и биографии писателя. По мнению Фаулза, представленная биография не дает ответов на ряд вопросов. Так, он пишет: «What *did* happen in his real life in that dark and fertile decade between 1865 and 1875? Why did he break with Tryphena? Why did his first marriage sour so disastrously fast? What real-life factors structured his literary pessimism?» [Fowles, 2006, p. 52] (Что *действительно* происходит в то темное и плодотворное десятилетие между 1865 и 1875? Почему он порвал с Трифеной? Что сделало его первый брак таким неудачным? Какие реальные факторы обусловили литературный пессимизм Гарди?) (здесь и далее перевод мой. — Е. А.)

В биографии Гарди есть немало спорных и скандальных фактов, которые часто замалчивались. Повествователь Фаулза отмечает, что «о подлинном Гарди более полное представление можно составить не по опубликованным автобиографиям, а по кускам, выброшенным из них при немилосердной переделке... можно больше почерпнуть из писем, чудом уцелевших от огня, из интимных дневников и прочих щепочек, летевших в стороны при рубке леса» [Фаулз, 2003, с. 357].

В 1974 году была опубликована очередная биография Гарди, в которой многие важные, с точки зрения Фаулза, фрагменты жизни викторианца были восстановлены. Работа называлась «Молодой Томас Гарди» (*Young Thomas Hardy*) и принадлежала Р. Гиттингзу [Gittings, 1974]. Ученый рассматривает произведения Гарди сквозь призму психоанализа, уделяя внимание проявлению бессознательного в его романах и подчеркивая особое значение жизненных утрат для творчества писателя-викторианца. Познакомившись с этим исследованием, Фаулз приходит к мысли о тесной связи своего творчества с биографией писателя XIX века. Исследователь К. Бракс по этому поводу справедливо замечает: «The similarities between these two West Country novelists (both profoundly interested in the flesh and its opposites) are too great to be coincidental» [Brax, 2003, p. 99] (Общие черты между этими двумя (Гарди и Фаулзом. — Е. А.) западными романистами

(глубокая заинтересованность плотью и ее противоречивостью) являются слишком явными, чтобы быть просто случайными).

Под влиянием идей Гиттингса в 1977 году Фаулз публикует эссе «Гарди и старая ведьма» и роман «Дэниел Мартин», при создании которого опирается на биографию Гарди.

В эссе Фаулз заявляет о своей близости к традиции Гарди, что подтверждает рядом аргументов: во-первых, оба используют тактику открытого финала, который соответствует их концепции поиска идеала; во-вторых, в романах обоих авторов одним из главных является мотив свидания на фоне «язычески» трактованной природы, вдали от цивилизации, сдерживающей естественное начало в человеке. Далее, в фокусе внимания обоих авторов оказывается ситуация утраты (loss), влекущая за собой постановку вопроса об экзистенциальных основах существования.

Фаулз называет утрату главной составляющей творческой биографии, а саму жизнь Гарди считает олицетворением утраты. Он отмечает, что для писателя-викторианца, как и для многих романистов, характерно «чувство *невозвратимой утраты (или предназначенного поражения)*... (курсив мой. — Е. А.)» [Фаулз, 2002, с. 207]. И продолжает: «Гарди оставил нам богатый и незабываемый образ утраченного мира» [Фаулз, 2002, с. 321].

4. Гардиевский интертекст и его воплощение в романе Фаулза «Дэниел Мартин»

4. 1. Сюжетный и мотивный уровни

Как и в «Женщине французского лейтенанта», в романе «Дэниел Мартин» Фаулз заимствует у викторианского классика мотив утраты. Состояние утраты переживают все герои романа. Для Дэниела Мартина, как и для самого Фаулза, утрата является неотъемлемой составляющей жизни писателя. Она превращается в возлюбленную, расстаться с которой подобно смерти: *У него есть возлюбленная. Имя её — утрата* [Фаулз, 2004, с. 301].

Как уже ранее отмечалось, история жизни Дэниела Мартина во многом напоминает историю творческой карьеры «исторического» Гарди. Фаулз проецирует биографию Гарди на историю жизни своего героя, выбирая в обоих случаях переломные моменты. Так, Дэн, занятый поисками собственного «я», навсегда отказывается от карьеры известного кинорежиссера и обращается к написанию романа. Интересно, что Гарди в 1896—1897-х годах также навсегда отказывается от привычной для себя прозы и обращается к поэзии.

Уже в первой главе Фаулз, описывая сцену жатвы, напоминающую бойню, вводит имплицитную аллюзию, которая заставляет читателя ощутить

присутствие тени Томаса Гарди (выражение из «Кротовых нор» [Фаулз, 2002]), в частности, его романа «Тэсс из рода д'Эрбервиллей»: *Льюис сно-ва пускает жатку. Теперь кролики выскакивают из пшеницы через каж-дые несколько ярдов — большие и маленькие, некоторые до смерти пере-пуганы, другие — полны решимости. Старики бросаются за ними, раз-махивая палками, спотыкаются, падают ничком; под ногами путаются дети <...> вдруг — вопль боли, как крик младенца, из-под скрытых в пше-нице ножей. Не оборачиваясь, Льюис машет рукой назад. Прочь по стерне тащится кролик: у него отрезаны задние лапы. Мальчишка-подборщик бе-жит, поднимает зверька, торчат окровавленные обрубки <...> швыряет убитого кролика на сроду других таких же. Остекленевшие круглые глаза, торчащие усы, обмякшие уши, белоснежные хвостики. Мальчик (Дэни-ел. — Е. А.) подходит поближе, глядит на убитых зверьков — их тут, по-жалуй, уже больше двадцати. Сердце у него вдруг сжимается... странно сжимается, не предчувствием ли? Наступит день, когда в опустевшем поле он заплачет об этом [Фаулз, 2004, с. 16].*

В 14 главе романа Гарди находим: *Вскоре послышалось стрекотанье, напоминающее любовную песенку кузнечика. Это заработала жнейка, и за изгородью показалось длинное вибрирующее тело машины, которую тащили три лошади <...> Кролики, зайцы, змеи, крысы, мыши отступали дальше в хлеба, словно в крепость, не подозревая, сколь эфемерно их убе-жище и какая судьба ждет их к концу дня, когда до ужаса маленьким будет оставленный им уголок и они собьются в кучу — друзья и враги; а потом ляжет под зубцами неумолимой жнейки пшеница, еще покрываю-щая последние несколько ярдов, и жнецы перебьют всех зверьков палками и камнями [Гарди, 2004, с. 94—95].*

В этих эпизодах Гарди и Фаулз затрагивают проблему противостояния естественной природной среды механистической цивилизации. Эта тема станет магистральной в творчестве Д. Г. Лоуренса, выступившего в роли продолжателя традиции Гарди.

Ведущий мотив жизни и творчества Гарди — мотив одержимости про-шлым, мотив памяти. Пренебрежение «связью времен» олицетворяет для Гарди и Фаулза насилие над природным порядком. Фаулз неоднократно писал об особой привязанности Гарди к прошлому: «Дилемма Гарди за-ключалась в том, что его литературный и общественный успех — в кон-тексте косной викторианской классовой системы — неизбежно превращал его в кажущегося ниспровергателя собственного прошлого; хотя он всегда был жизненно зависим от него» [Фаулз, 2002, с. 320]. И продолжал: «Сам же я думаю, что поразительная и продолжающаяся популярность Гарди

во всём мире — даже в сравнении с популярностью других великих романистов — может, по крайней мере отчасти, быть объяснена тем фактом, что его главная утрата и главная отслуженная им поминальная служба были связаны с культурой предков. И в его романе не просто умирает женщина по имени Тэсс — это гибнет целый образ жизни» [Фаулз, 2002, с. 321].

В «сельских» главах романа Фаулза («Филлида», «Торкнум», «Сад благословенных», «Дождь») герой обретает самого себя. Здесь Дэниел вновь и вновь переживает воспоминания о первой любви к младшей дочери фермера Нэнси Рид, на фоне сельского пейзажа пытается восстановить утраченную связь с фермой и всеми живущими на ней, тут же обретает потерянную любовь к Джейн, заново учится чувствовать других людей и природу. Интересно, что, как и Гарди, Фаулз при описании сельской патриархальной Англии часто использует античные аллюзии и реминисценции, помогающие мифологизировать повествование, придать событиям ощущение языческой свободы.

Рассказывая о прошлом своего героя, Фаулз уделяет внимание описанию первой любви и сексуального опыта Дэниела. И здесь важную роль также играют интертекстуальные включения из Гарди. Самым «гардиевским» мотивом Фаулз считает мотив встречи, свидания: «Встреча мужчины и женщины наедине, предпочтительно — случайная, предпочтительно на лоне ‘языческой’ природы, вдали от “христианских” ограничений города и дома, предпочтительно — с расставленными ловушками в виде разных мелких обстоятельств (введение которых в сюжет часто оказывается самым слабым местом писателя, словно эмоциональное напряжение души авторскую изобретательность), которые навязывают тесную близость и неизбежный телесный контакт: всё это вполне прозрачно смотрится как нечто более увлекательное, чем “всеобъемлющее безразличие брака”» [Фаулз, 2002, с. 214—215].

4. 2. Образный уровень

На фоне языческой свободной природы разворачиваются основные события романов Гарди и Фаулза. Встречи Дэниела с Нэнси, первые чувства и описание физической близости также содержат имплицитные отсылки к роману «Джуд Незаметный». В первой части своего романа Гарди рассказывает историю первой любви и замужества Джуда Фаули, которые закончились для героя крахом. Герой влюбляется в Арабеллу Донн, которая его соблазняет и путем обмана выходит за него замуж. Арабелла для Джуда становится олицетворением животного, инстинктивного, безудержного желания, с которым герой не может совладать. О состоянии своего героя Гарди пишет: *Словно чья-то властная рука, обладающая огромной силой, схвати-*

ла его и повлекла, не считаясь с настроениями и влияниями, руководившими им прежде. Вопреки его разуму, воле и так называемым возвышенным стремлениям, она потащила его, как разгневанный учитель тащит за шиворот ученика, — прямо в объятия женщины [Гарди, 2004, с. 56].

Герой Фаулза испытывает похожие чувства по отношению к Нэнси: *Его охватило странное чувство: лес вокруг них, до сих пор прочно стоявший на месте, вдруг взорвался, каждый листок, каждый сучок и веточка неслись отдельно друг от друга, увлекая за собой все лесные звуки и запахи. Все исчезло. Осталась лишь Нэнси, Нэнси, Нэнси, Нэнси; ее губы, ее груди, ее руки у него на спине, прижавшееся к нему тело; потом она вдруг отстранилась и уткнулась лицом в рубашку у него на груди. Какая она маленькая, насколько больше понимания в касании, чем во взгляде, как умаляются любые погрешности — роста, линий тела, внешности, — стоит лишь коснуться, обнять, прижаться. И — победа! О, метафорические децибелы самого громкого за всю его жизнь, торжествующего петушиного клика!* [Фаулз, 2004, с. 459].

Намеренно противопоставляя своих героев друг другу (Джуда — Арабелле, Дэна — Нэнси), Гарди и Фаулз дают понять, что их отношения обречены, так как они принадлежат к двум разным мирам. Джуд Фаули, Дэниел Мартин — герои с тонкой душевной организацией, они — творческие натуры, стремящиеся к самосовершенствованию. В свою очередь Арабелла Донн и Нэнси Рид воспитываются в фермерской среде, олицетворяют пошлость и обыденность. Различие между героинями в том, что Нэнси к моменту встречи с Дэниелом моложе Арабеллы, а потому неопытнее. Она становится похожей на героиню Гарди спустя много лет, когда Дэниел вновь встречается с ней. Портретное описание героини Фаулза заставляет вспомнить героиню Гарди, в которой подчеркивается телесность, грузность: «Узнать Нэнси было трудно — она расплылась, погрузнела, крашенные волосы в трогательной попытке сохранить былую привлекательность зачесаны назад и уложены в прическу “паж”, как у хозяйки паба» [Фаулз, 2004, с. 282]. В свою очередь Гарди об Арабелле пишет: *Миловидная и темноглазая, не то чтобы красавица, однако издали сошла бы и за красивую, несмотря на обветренную кожу и грубоватые черты <...> Словом, это была вполне законченная самка — но и только* [Гарди, 2004, с. 47].

Проецируя истории персонажей Гарди на жизнь героев своего романа, Фаулз в то же время обращает внимание на различия между ними. Так, воспоминания Дэниела о Нэнси окрашены в романтические тона, в то время как отношения между Арабеллой и Джудом с самого начала должны вызывать у читателя нечто вроде презрения. Обращаясь к биологическому

в человеке, Гарди проводит мысль о том, что неконтролируемые желания, слепое следование страстям — все это может погубить человека.

Чарльз Смитсон, Николас Урфе, Дэниел Мартин — все эти герои Фаулза заняты поисками собственного «я», а помогают им в этой ситуации героини-женщины. Мотив выбора между двумя женщинами является повторяющимся в творчестве Гарди. Ситуация поиска и выбора, в которую Фаулз помещает своих героев, также во многом связана и перекликается с жизнью Гарди.

Дэниел Мартин, как и Джуд Фаули, находится в состоянии выбора между двумя женщинами: Арабелла — это прототип Дженни, Сью — Джейн. Дженни — олицетворение вечной молодости, призрачного успеха, славы и известности, Джейн — воплощение духовного начала, естественной, свободной от всяких условностей жизни. Справедливо замечает Н. Бушманова: «Самоопределение Дэниела, таким образом, подобно выбору между иллюзией настоящего и возможностью жить настоящим полно и осознанно» [Бушманова, 1994, с. 195—196].

4. 3. ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ УРОВЕНЬ

Следуя за Гарди, Фаулз воссоздает идиллический хронотоп, для которого характерны «органическая прикрепленность, приращенность жизни и ее событий к месту — к родной стране со всеми ее уголками, к родным горам, родному долу, родным полям, реке и лесу, к родному дому <...> сочетание человеческой жизни с жизнью природы...» [Бахтин, 2000, с. 158].

События романов Гарди разворачиваются на юго-западе Англии, почти все время в четко обозначенных границах, в краю, который называется *Уэссекс*. Уэссекс символизирует уходящую сельскую патриархальную Англию со своими ценностями, моралью и интересами. Этот образ стал символом неповторимого мира и многовекового уклада, прочной традиции.

В романе Фаулза таким «потерянным раем» оказывается Девон, куда и стремится Дэниел Мартин. Ситуацию возвращения пережили в свое время сами авторы: в 1867 году Гарди возвращается после учебы в Лондоне к себе на родину — в Дорсет, в свою очередь Фаулз в 1960-х годах навсегда переезжает в провинциальный городок Лайм-Риджис.

В «Дэниеле Мартине» неоднократно встречаются описания сельской, патриархальной Англии, «старой доброй Англии», о которой писал Гарди. Сам Фаулз, будучи по натуре человеком замкнутым, перенял эту любовь к «малой» Англии. В 1984 году он пишет эссе под названием «Англия Томаса Гарди», в котором говорит об утрате «малой родины». В романе Фаулза герои на своем пути встречают памятник Гарди, который является немой укором тем, для кого связь времен потеряна. Прошлая идиллия разрушена:

«... мы ехали мимо памятника Гарди, печально и неодобрительно, как всегда, взирающего на проносащиеся мимо машины» [Фаулз, 2002, с. 435].

В сельской патриархальной Англии Фаулза привлекает природа, именно этим и обусловлено большое количество пейзажных, в духе Гарди, зарисовок в романе. Пасторальные мотивы принципиальны и для романов Гарди, и для «Дэниела Мартина». Жизнь в единении с природой предстает как некое состояние, не подверженное изменению. Дорсет, Девон, Торкнум — все это для Гарди и Фаулза «малая родина», острова, исчезающие под напором цивилизации. Именно на фоне этой Англии герой Фаулза пытается восстановить для себя утраченную связь с прошлым: «Эти древние поля, впервые запаханные еще до прихода англосаксов, эта кремневая галька — остатки расколотых, переколотых и снова расколотых лемехом плуга камней, земля, по которой ступали бесчисленные и безымянные поколения людей, еще более незаметных, чем мои индейцы пуэбло, словно пыталась рассказать мне об этом... какое холодное, суровое, какое печальное место. Как заметила Джейн, именно здесь Тэсс могла бы копать турнепс или собирать камни. Оно, помимо всего прочего, было преисполнено Времени — этого родителя метафор. Научные изыскания выглядели здесь неуместно, словно в тюремной камере» [Там же].

Одна из функций гардиевского интертекста в романе Фаулза — пространственное и временное расширение литературного контекста романа, в котором прошлое и настоящее соединяется. Наблюдается то, что В. Набоков называл «сцеплением времен». Отголоски, реминисценции гардиевской прозы у Фаулза указывают на душевную, психологическую близость двух художников, принадлежащих к разным эпохам.

5. Выводы

Таким образом, жизнь и творчество Т. Гарди могут быть рассмотрены как своего рода претекст для романа Дж. Р. Фаулза «Дэниел Мартин» (*Daniel Martin*). На первый взгляд, Фаулз просто использует элементы текстов Гарди на различных уровнях повествования. С другой стороны, Фаулз, опираясь на традицию Гарди, в то же время ее переосмысливает. Затеянная Фаулзом игра отчасти подразумевает эстетический диалог, даже спор с Гарди. Эта полемика вызвана расхождением художественных установок, взглядов на мир и искусство писателей разных эпох. Фаулз стремится не столько создать, сколько, в определенной степени, сохранить и передать эстетическую концепцию, которой он обязан Гарди. Следует признать, что Гарди для Фаулза оказался самым близким из всех викторианских писателей. Интертекстуальный диалог с Гарди в произведениях

Фаулза является проявлением особой intersubjectivity. Однако Фаулз не приемлет мрачности и безысходности викторианского писателя.

Литература

1. Бахтин М. М. Эпос и роман / М. М. Бахтин. — Санкт-Петербург : Азбука, 2000. — 304 с.
2. Бушманова Н. Дерево и чайки в открытом окне : беседа с Джоном Фаулзом / Н. Бушманова // Вопросы литературы. — 1994. — № 1. — С. 165—208.
3. Гарди Т. Тэсс из рода д'Эрбервиллей / Т. Гарди. — Москва : АСТ ; ЛЮКС, 2004. — 416 с.
4. Фаулз Дж. Дэниел Мартин / Дж. Фаулз. — Москва : АСТ, 2004. — 832 с.
5. Фаулз Дж. Кротовые норы : сборник эссе / Дж. Фаулз. — Москва : Махаон, 2002. — 640 с.
6. Фаулз Дж. Любовница французского лейтенанта / Дж. Фаулз. — Москва : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003 — 480 с.
7. Фёдоров А. А. Идеино-эстетические аспекты развития английской прозы (70—90-е годы XIX в.) / А. А. Фёдоров. — Свердловск : Уральский университета, 1990. — 188 с.
8. Brax K. The Poetics of Mystery Genre, Representation, and Narrative Ethics in John Fowles's Historical Fiction / K. Brax. — Helsinki : Helsinki University Printing House, 2003. — 326 p.
9. Fowles J. The Journals : Volume Two : 1966—1990 / J. Fowles. — New York : Knopf, 2006. — 464 p.
10. Gittings R. Young Thomas Hardy / R. Gittings. — Lnd., 1974. — 211 p.
11. Glendening J. Science and Religion in Neo-Victorian Novels / J. Glendening. — Abingdon : Routledge, 2014. — 272 p.
12. Heilmann A. Neo-Victorianism : The Victorians in the Twenty-First Century, 1999—2009 / A. Heilmann, M. Llewellyn. — Basingstoke, UK : Palgrave Macmillan, 2010. — 220 p.
13. Kaplan C. Victoriana. Histories, Fictions, Criticism / C. Kaplan. — Edinburgh : Edinburgh University Publishing, 2012. — 192 p.
14. Letissier G. Dickens and post-Victorian fiction / G. Letissier // Refracting the canon in contemporary British literature and film. — Amsterdam-New York : Rodopi, 2014. — P. 111—128.

Hardy and Fowles: on Problem of Perception of Victorian Tradition by Writer of 20th Century

© Amineva Elena Sergeyevna (2017), orcid.org/0000-0003-0269-968X, PhD in Philology, acting Head of Department of Philology and Journalism, Amur State University named after Sholom Aleichem (Birobidzhan, Russia), amineva1975@mail.ru.

The article is devoted to the problem of the relationship between postmodernism and classical literature. The question is considered on the example of works by the Victorian writer who anticipated many of the trends of development of the English literature of 20th century. The article focuses on the works by Thomas Hardy. He was one of the first in the English literature of the 19th century who began to reflect on about tradition, turned to nature and unconscious in man. It is shown that the Victorian writer has created a gallery of characters, whose personal dilemmas are quite existential. It is noted that in the English classical tradition John Fowles is particularly attracted by the "crisis" authors, including Hardy. Special attention is paid to the influence of "historical" Hardy on the life and work of Fowles. The author dwells on the main stages of Fowles' meeting with the life and work of a Victorian writer. The question is raised about the presence of Hardy's intertext in the novel "Daniel Martin" on the plot, motif, imagery and spatial-temporal levels. The author notes that intertextual dialogue with Hardy in the works of Fowles is a special manifestation of intersubjectivity. It is concluded that among all Victorian writers, Hardy was "his own" for Fowles, however, the author of the 20th century rejects the gloom and despair of the writer of the 19th century.

Key words: Fowles; Hardy; Victorian tradition; postmodernism; intertextual dialogue; intersubjectivity.

References

- Bakhtin, M. M. 2000. *Epos i roman*. Sankt-Peterburg: Azbuka. (In Russ.).
- Brax, K. 2003. *The Poetics of Mystery Genre, Representation, and Narrative Ethics in John Fowles's Historical Fiction*. Helsinki: Helsinki University Printing House.
- Bushmanova, N. 1994. Derevo i chayki v otkrytom okne: beseda s Dzhonom Faulzom. *Voprosy literatury*, 1: 165—208. (In Russ.).
- Faulz, Dzh. 2002. *Krotovyye nory: sbornik esse*. Moskva: Makhaon. (In Russ.).
- Faulz, Dzh. 2003. *Lyubovnitsa frantsuzskogo leytenanta*. Moskva: AST; Kharkov: Folio. (In Russ.).
- Faulz, Dzh. 2004. *Daniel Martin*. Moskva: AST. (In Russ.).
- Fedorov, A. A. 1990. *Ideyno-esteticheskiye aspekty razvitiya angliyskoy prozy (70—90-e gody XIX v.)*. Sverdlovsk: Uralskiy universiteta. (In Russ.).
- Fowles, J. 2006. *The Journals: Volume Two: 1966—1990*. New York: Knopf.
- Gardi, T. 2004. *Tess iz roda d'Erbervilly*. Moskva: AST; LYuKS. (In Russ.).
- Gittings, R. 1974. *Young Tomas Hardy*. Lnd.
- Glendening, J. 2014. *Science and Religion in Neo-Victorian Novels*. Abingdon: Routledge.
- Heilmann, A., Llewellyn, M. 2010. *Neo-Victorianism: The Victorians in the Twenty-First Century, 1999—2009*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Kaplan, S. 2012. *Victoriana. Histories, Fictions, Criticism*. Edinburgh: Edinburgh University Publishing.
- Letissier, G. 2014. Dickens and post-Victorian fiction. In: *Refracting the canon in contemporary British literature and film*. Amsterdam-New York: Rodopi.